

А

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИТЕЛЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ университетской типографіи.

(КАТКОВЪ и К^о.)

1864.

А

Дозволено цензурою, 10-го Марта, 1864 года.

I.

Въ наше время появилось безчисленное множество историческихъ записокъ; ими наводненъ западъ Европы. Иныя изъ нихъ мало занимательны, другія мало правдивы, но всѣ могутъ, для будущихъ историковъ, быть болѣе или менѣе полезны. Сіи источники, иногда весьма мутные, бывъ собраны, пропущены сквозь безпристрастную критику, очищены вкусомъ и гениемъ, могутъ составить величественный, ясный потокъ, коимъ Карамзины грядущихъ временъ будутъ напоять любопытную жажду къ познаніямъ, болѣе и болѣе увеличивающуюся въ моемъ отечествѣ.

Давно родилась во мнѣ мысль и желаніе обратиться въ одинъ изъ сихъ источниковъ, продлить къ концу приближающееся, тѣнное и малозначительное бытіе мое, превратить его въ существованіе столь же неизвѣстное, невидимое, въ журчаніе неслышимое, съ надеждою случайно брызнуть когда-нибудь изъ мрака и земли, и быть замѣчену какимъ-нибудь великимъ мужемъ, который удостоитъ приобщить меня къ своему безсмертію или, по крайней мѣрѣ, долговѣчію.

Соблазнительства, неблагопріятствующія намѣренію моему, препирали мнѣ доселѣ приводить его въ исполненіе; они не переменялись, но я рѣшился вопреки имъ приступить къ труду сему, столь заманчивому, быть-можетъ бесполезному для другихъ, но для меня уже тѣмъ полезному, что доставляетъ мнѣ занятіе на весь остатокъ дней моихъ.

Большой части историческія записки составляются государственными людьми, полководцами, любимцами царей,

однимъ словомъ, дѣйствующими лицами, которыя, описывая происшествія, на кои они имѣли вліяніе и на коихъ сами участвовали, открываютъ потомству важныя тайны, едва угадываемыя современниками: ихъ записки главнѣйшіе источники для исторіи. Но если симъ актерамъ вѣдомо все закулисное, то между зрителями развѣ не можетъ быть такихъ, коихъ замѣчанія пригодились бы также потомству? Имъ однимъ могутъ быть извѣстны толки и сужденія партера; прислушиваясь къ нимъ внимательнымъ ухомъ, они въ то же время могутъ зоркимъ окомъ проникать въ самую глубину сцены, и если они хотя сколько-нибудь одарены умомъ наблюдательнымъ и счастливою памятью, то сколько любопытнаго и неизвѣстнаго могутъ сообщить они своимъ потомкамъ!

Отъ самаго рожденія, природой и фортуной бывъ осужденъ, по мнѣнію моему, болѣе чѣмъ на ничтожество, во всемъ получивъ отъ судьбы посредственность въ удѣлъ, я однакоже бесѣдовалъ много съ мудрѣйшими изъ моихъ соотечественниковъ, былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ просвѣщеннѣйшими изъ нихъ. Глупцы и невѣжды мнѣ также вовсе не были чужды, я долго жилъ среди ихъ и въ мысляхъ часто мѣрилъ пространство тѣхъ и другихъ отдѣляющее. Я не убѣгалъ даже отъ нищеты и не отказывался отъ знакомства съ богатыми: отъ знатнаго до простолюдина, всѣ состоянія мнѣ были извѣстны. Пространнѣйшее государство въ мірѣ протѣзалъ я отъ востока до запада и отъ юга до сѣвера и былъ внѣ предѣловъ его; его блестящія столицы и отдаленнѣйшія отъ нихъ провинціи, непроходимые лѣса Сибири и безлюдныя степи Новороссійскаго края мнѣ равно знакомы. Я пилъ воды Селенги и Сены и отъ вершины Хамаръ-Дабана странствовалъ до Содомы Новаго Завѣта, который посѣтилъ я послѣ паденія минутной великой имперіи.

Я родился при Екатеринѣ, записанъ въ службу при Павлѣ, дѣйствительно и дѣятельно продолжалъ оную при Александрѣ и оканчиваю ее при Николаѣ. Еще въ младенческомъ возрастѣ, все окружавшее меня сильно возбуждало во мнѣ вниманіе и любопытство, все врѣзывалось мнѣ въ память, и все въ ней сохранилось. Пока еще лѣта не лишили меня сей способности, желаю я внукамъ моихъ соотечественниковъ, за неимѣніемъ собственныхъ, завѣщать повѣсть о разнообразныхъ предметахъ, встрѣченныхъ мною на длинномъ пути несовсѣмъ обыкновенной жизни.

О себѣ буду говорить мало: скромность не позволить мнѣ хвалиться добрыми, но весьма обыкновенными свойствами, которыя едва могутъ служить перевѣсомъ безчисленнымъ недостаткамъ или даже порокамъ, а стыдъ, который еще знали въ наше время, не допустить меня открывать послѣднихъ. Не имѣя великой славы Жанъ-Жака Руссо, не имѣю и правъ на безстыдство его.

Въ описываемомъ мною я буду ничто: я буду только рама или, лучше сказать, маляръ, вставляющій въ нее попеременно картины и портреты и многоразличіемъ ихъ старающійся замѣнить недостатокъ въ искусствѣ живописномъ.

Но дѣлаясь провожатымъ читателя сквозь мѣста и происшествія, мною видѣнныя, долженъ необходимо прежде всего говорить ему о себѣ, даже о томъ что было до меня, о моемъ происхожденіи.

II.

Я долго почиталъ себя Шведомъ: одинъ нечаянный случай, а еще болѣе любопытство мое и тщеславіе показали мнѣ мою ошибку, открыли мнѣ горькую истину.

Предки мои въ Эстляндіи, въ Везенбергскомъ округѣ, владѣли мызами Илукъ и Куртна; мой дѣдъ заложилъ ихъ въ 1765 году на пятьдесятъ лѣтъ, и мнѣ досталось или выкупать ихъ или за нѣкоторую сумму уступить право на вѣчное ими владѣніе. Я былъ молодъ, жилъ тогда въ Петербургѣ; Эстляндія, которую увидѣлъ я зимой, показалась мнѣ мрачнымъ оледенѣлымъ адомъ, я боялся хлопотъ и радъ былъ за маловажную сумму отказаться отъ права принадлежать къ знаменитому рыцарству. Поспѣшая обратно въ столицу, я не исполнилъ даже священной обязанности посѣтить могилу моего дѣда и не подумалъ заглянуть въ документы, по коимъ фамилія моя владѣла сказанными мызами.

Какое-то аристократическое чувство, дѣйствіе коего я впрочемъ весьма рѣдко ощущалъ, побудило меня гораздо послѣ, лѣтъ шестнадцать спустя, стараться съ точностію узнать эпоху, въ которую могущественные предки мои основали свое владычество за Наровой, тѣмъ болѣе что представилось къ тому весьма удобное средство. Г. Брунъ, шурина